

На параде Победы шел сводный полк летчиков. Последний ряд его замыкал невысокого роста худощавый офицер с нежным юношеским лицом, на котором был заметен след ранения. На груди левофлангового сверкало целое созвездие наград.

— Как ты думаешь, кто этот старший лейтенант? — спросил я своего приятеля по академии.

— Почему ты заинтересовался им? — удивился приятель. — Я знаю в лицо Покрышкина и Кожедуба, мог бы узнать Полбина и Сафонова... А этого левофлангового ни разу не видел ни в газетах, ни в журналах, ни в кинохронике ТАСС. Героев в авиации больше, чем в каком-либо другом виде войск.

Почему мне взбрело в голову спросить именно об этом летчике, я и сам толком не знал, и вскоре наш разговор о левофланговом был совершенно забыт. И если бы не чисто случайная встреча с офицером — участником парада, не было бы и этого моего рассказа...

Лет восемь спустя я получил назначение в Туркестанский военный округ. И надо же в такой войсковой машине в один из счастливых дней повстречать давнишнего знакомого по праздничному параду!

— Левофланговый? — переспросил он меня. Старший лейтенант уже стал майором: Да, это был я.

Вот уж действительно только гора с горой не сходятся...

Потом мне часто приходилось встречаться с Иваном Васильевичем Клиновым — так звали-величали майора, — но побеседовать с ним как-то не удавалось: занятый на полетах, он не располагал временем.

— Приходите ко мне домой, — предложил однажды Клинов, — там и потолкуем.

Я воспользовался его приглашением. И вот что он мне рассказал.

Во второй половине октября сорок второго года сержант Клинов прибыл в штурмовой полк, воевавший на Калининском фронте. С какой завистью смотрел девятнадцатилет-

ный парень на тех, кому довелось уже побывать в боях, с каким вниманием слушал рассказы испытанных фронтовиков! А люди, обожженные огнем войны, были далеки от восторженного настроения.

Бой идет не ради славы,
Ради жизни на земле...

Пока Иван знакомился с новой, непривычной для него обстановкой, хмурая северная осень начала сесть, покрываться снежком, переходя в морозную, заиндевелую зиму.

В один из таких дней командир эскадрильи лейтенант Бахарев собрал летчиков.

— Завтра летим шестеркой под Ржев, — скупое сказал он. — Будем штурмовать фашистские танки, автомашины и пехоту. Пойдете и вы, Клинецов.

Сколько он ждал вот такого приказа, мысленно готовился к нему, а слова лейтенанта — «пойдете и вы» — взволновали сержанта настолько, что в первую минуту он не осознал их смысла. Бахарев, видимо, понял волнение новичка и, ободряюще улыбаясь, повторил:

— Пойдете левым ведомым.

Утро выдалось морозное. Прогреть моторы, техники доложили командирам экипажей о готовности самолетов к вылету. Ожила, загудела стоянка. Стараясь быть спокойным, Клинецов делал все, как учили, как приказал командир. Сигнальная ракета, выгнув дугу над аэродромом, рассыпалась на сотни ярких искорок. Взлет!

Собравшись в правый пеленг, шестерка Илов, ведомая командиром эскадрильи, легла на заданный курс. Вот он, первый боевой вылет! Идя слева от Бахарева, Клинецов соблюдал установленные дистанцию и интервал. Под крылом — бесконечные снежные просторы с узкими полосками дорог, темными пятнами кустарников и небольших лесных массивов, квадраты и прямоугольники селений.

А вот и следы боев — черные воронки от разрывов снарядов и бомб, груды истерзанного металла, маленькие темные бугорки могил, еще не запорошенных снегом...

За небольшой высоткой, в укрытии, как и сообщала разведка, стояли вражеские танки, автомашины, бронетранспортеры. «Вот они, гады!» — прошептал сержант и по-

мимо своей воли сильнее стиснул руками штурвал. Лейтенант с ходу сбросил по скоплению машин бомбы. Его примеру последовали ведомые.

Развернувшись, ИЛы сделали второй заход, обрушив на голову фашистов реактивные снаряды и пушечно-пулеметный огонь. Клинцов, увлекшись штурмовкой, не думал ни о густых разрывах зенитных снарядов, ни о вероятности их попадания в его самолет: чувство ненависти к захватчикам, желание как можно больше уничтожить машин и их обслуживающих все — и опасность, и саму возможность смерти.

После второго захода снежная высотка стала багрово-черной. Огненные языки алчно лизали кладбище гитлеровских машин.

Возвращаясь на свой аэродром, Иван Клинцов заметил большую пробоину на левой плоскости своего самолета. Заметил и удивился: когда же это разворотило?

Так состоялось первое боевое крещение сержанта, предварившее долгие фронтовые будни, о которых порой в сводках Совинформбюро сообщалось, что «ничего существенного не произошло».

3

Полк перебросили на Волховский фронт для поддержки наземных войск, готовивших прорыв блокады города на Неве. Операция началась в первой половине января сорок третьего года. В эти напряженные ратные дни все были охвачены одним заветным желанием — во что бы то ни стало разорвать мертвое кольцо вокруг Ленинграда.

В ту пору Клинцов переживал особое чувство боевого подъема; его приняли кандидатом в члены партии и зачислили в офицерский корпус; друзья тепло поздравили Ивана, пожелали ему встретить День Победы в Берлине.

...С аэродрома шестерка двухместных ИЛов вышла на штурмовку вражеского опорного пункта Матросская Пустынь. Вел ее командир эскадрильи Бахарев, Клинцов летел у него правым ведомым.

У линии фронта младший лейтенант услышал по радио предостережение: «В воздухе истребители противника. Будьте внимательнее!» С «мессершмиттами» Ивану Клинцову еще не приходилось драться, но тем не менее он почему-

то подумал: «Встретиться бы с «худыми». Может быть, такое желание возникло потому, что рано или поздно с истребителями врага все равно встретиться придется. Так уж лучше раньше испытать себя в схватке с «мессами», тем более что сейчас с Клинцовым пятеро боевых друзей — в обиду не дадут.

Вскоре показался лесок, за которым и располагался опорный пункт фашистов. С запада выскочила группа «мессершмиттов», но ее тотчас же встретили истребители прикрытия, сопровождавшие «ильюшиных», и Клинцову не пришлось вступить в баталию, о которой мечтал. Да и некогда было: Бахарев подал сигнал на бомбометание. Мысль мгновенно переключилась на эту задачу — главную для штурмовиков.

Иван Клинцов сбросил четыре стокилограммовых фугасных бомбы. Он целил в какое-то невысокое сооружение, покрытое белым, под цвет снега, полотном. И попал чрезвычайно удачно — сразу же после разрыва бомб вверх вскинулась огромная косматая шапка дыма с какими-то грязно-красными лохмотьями.

Скорее всего Иванов груз угодил в штабель снарядов или бомб. Матросская Пустынь окуталась мраком. «Это вам, сволочи, — выругался летчик, — за муки и страдания ленинградцев!..»

— Заходим еще раз! — услышал Клинцов приказ Бахарева.

«Черная смерть» — так немцы называли советский штурмовик — повторно зашла над вражеским опорным пунктом, обстреливая его реактивными снарядами из пушек и пулеметов.

— Домой! — поступила новая команда лидера группы, и шестерка самолетов развернулась к линии фронта.

Только-только начало спадать напряжение, пережитое над Матросской Пустыней, как вдруг слева и справа от машины Ивана Клинцова засверкали огненные трассы. Это прорвались «мессершмитты». Одна группа била сверху, другая снизу.

— Открыть огонь! — передал командир экипажа по самолетному переговорному устройству своему стрелку сержанту Поклонскому.

Дав три-четыре очереди, пулемет сержанта умолк. Самолет Клинцова потянуло книзу. Иван посмотрел на приборную доску — маслومانометр беспомощно застыл на

нуле. Мотор вздрогнул и замер. «Попадание в двигатель,— определил Клинецов.— Придется садиться на вынужденную...»

Планируя, чтобы произвести посадку на снежное поле, Иван заметил, как верхний Ме-109, зажженный одним из летчиков, рухнул вниз. Второй истребитель, подбитый Бахаревым, пошел со снижением, оставляя за собой дымный след.

Клинцову удалось посадить машину с убранными шасси на глубокий снег. Сориентировавшись, он определил, что находится в районе скованных льдом и поросших лесом Синявинских болот.

— Снимай радиостанцию,— сказал Клинецов Поклонскому,— а я займусь приборами.

— Может, взорвем самолет? — спросил радист.

— Зачем же? Если бы мы находились на вражеской территории, тогда другое дело. Мы еще вернемся за нашим «ильюшей».

Захватив необходимое, экипаж штурмовика направился на восток. Вечерело. Начиная разыгрываться пурга. Идти становилось все труднее. Чтобы не проваливаться в сугробах, Клинецов и Поклонский опирались на парашюты.

Выбившись из сил, путники остановились у большого корневища. Будь они в полку, можно было бы основательно пообедать теми продуктами, которые имелись в их ИЗ. Однако бортпайки трогать не решились: кто знает, сколько еще доведется плутать...

Немного подремав, летчик и стрелок проснулись от холода. Костер разжигать поостереглись: он мог привлечь посторонних; а кто они, эти посторонние?

— Пошли, сержант,— и Клинецов первым шагнул в белесую сугробы.

На одной из лесных полян смутно виднелись темные силуэты домишек. На разведку решил идти командир экипажа. Он отдал сержанту свою ношу, осмотрел пистолет и сказал:

— Если услышишь выстрел, спеши на помощь.

Домишки,— а их оказалось шесть или семь,— стояли пустые. Жители или ушли к партизанам, или эвакуировались. А может, и убиты...

На третьи сутки Клинецов и Поклонский вышли к санной дороге и спустя некоторое время заметили солдата, трусившего на лошаденке, впряженной в сани-розвальни. «На-

ши, — радостно подумали порядком уставшие путники. — Теперь доберемся и до полка...»

Однако незнакомец в солдатской форме прежде всего потребовал сдать оружие и документы показать. Документов не было ни у Клинцева, ни у Поклонского, поэтому солдат долго и с пристрастием выпрашивал всякие подробности, и только убедившись, что перед ним действительно экипаж, потерпевший аварию, пригласил:

— Ну-к, што жа, связу куды, надоть, плюхайтесь на сянце...

Привез он их на железнодорожную станцию и сдал военному коменданту:

— Обезлошадилы робяты. Подобрал я их. Проверить ба надоть...

И ушел.

Имея телефон, удостовериться в принадлежности Клинцева и Поклонского к авиации коменданту не составило большого труда, и через час-полтора друзья сели на товарняк и добрались до своего полка. Однополчане радостно встретили экипаж.

— Это тебе, Иван, наука, — сочувственно улыбаясь, журил Бахарев Клинцева. — Будешь искуснее делать противострельный маневр, активнее вести воздушный бой с противником.

Летчик не оправдывался: это действительно боевая наука.

С тех пор Клинцов после выполнения боевого задания всегда оставлял необходимое количество боеприпасов на случай встречи с неприятельскими истребителями...

Кольцо блокады было разорвано. Штурмовой полк после отдыха и укомплектования летчиками и самолетами перебросили на Западный фронт, готовивший большое наступление.

Ивана Клинцева назначали старшим летчиком, повысили в звании. Он уже по праву считался обстрелянным фронтовиком. С Вяземского аэродрома летал на разведку обороны противника и его прифронтовых тылов, штурмовал передовую линию гитлеровцев, обрушивал смертоносный груз на их резервы, подходявшие по дорогам к фронту.

Шел сорок четвертый год. Гвардии лейтенант Клинцов водил отважную четверку ИЛов на штурмовку неприятеля под Смоленском и Рославлем, крушил его на Украине, изгонял фашистскую нечисть с Молдавской земли, выполняя задания командования по разведке.

Грохот войны катился на запад, загоняя остервенелые банды фашистов все глубже и глубже в их черное логово. А за плечами воинов-освободителей снова оживала земля, обильно политая их горячей кровью...

Войска 2-го Украинского фронта, с ходу выбив противника из венгерского города Дебрецен, окружили неприятельскую группировку в районе Ораде-Маре. Подтянув с запада резервы, немцы соединились со своей группировкой и создали угрожающее положение для наших войск южнее Дебрецена.

30 октября командир полка вызвал прославленного штурмовика-разведчика Ивана Клинцова и поставил перед ним боевую задачу:

— Пойдешь парой и разведаеть границы наших и вражеских войск. Кроме того, сфотографируешь Дебреценский участок фронта. Вас будут прикрывать истребители «лавочкины».

Во второй половине дня с аэродрома Сарваш взлетели два штурмовика и четыре истребителя. Через несколько минут полета Клинцов заметил группу самолетов «фоккевульф-190».

«Всем ввязываться в бой нельзя», — рассудил Клинцов и, будучи уверенным в мастерстве своих истребителей, отдал приказание двум из них завязать бой с чужими самолетами. ИЛы и пара «лавочкиных» продолжали идти заранее определенным курсом.

Внимательно следя за землей, Клинцов обнаружил две колонны фашистских танков и автомашин, двигавшихся в сторону группировки наших войск.

— Вижу две колонны танков и автомашин, — доложил разведчик на КП и назвал координаты.

По радио поступило приказание подождать большую группу штурмовиков, затем нанести по противнику удар. Минут через пятнадцать ИЛы подошли. И началось истребление врага. Летчики стали в круг и один за другим сбрасывали противотанковые бомбы. С земли вскидывались языки пламени. Движение колонн застопорилось. Гитлеровцы в

панике бросались в придорожные кюветы. А ИЛы все молотили и молотили по дороге, превратившейся в кладбище немецкой техники.

Выполнив задание, Клинцов и его напарник взяли прежний курс. Недалеко от Дебрецена им повстречались шесть «мессершмиттов». «Лавочкины» завязали с ними воздушный бой, а штурмовики продолжали вести разведку без прикрытия.

По всей видимости, немецкое командование придавало большое значение этому участку фронта: небо буквально кишело их самолетами. У самого города два Ме-109 зашли спереди и сверху Клинцова и его напарника, а третий — справа. Фашисты открыли огонь, намереваясь сбить «ильюшиных».

«Довольно урока над Матросской Пустыней», — делая искусный маневр, думал разведчик. Но гитлеровцы наседали, нагнали все больше. Это не нравилось Клинцову, потому что ставило под угрозу срыва выполнение боевого задания.

«Поживиться думают, — оценил обстановку летчик. — Черта с два у вас получится, «худые». Поймав в прицел одного из воздушных гангстеров, лейтенант выпустил по нему длинную пулеметную очередь.

Намереваясь отомстить за потерю своего сообщника, два других вражеских пилота усилили натиск на ИЛы. Но Клинцов и его ведомый хорошо знали оборонительные приемы в подобных ситуациях. Один из них назывался «ножницы». Его-то и применили наши разведчики. У северо-восточной окраины Дебрецена воздушный стрелок лейтенанта Клинцова сбил еще одного «месса».

— Спасибо, друг! — поблагодарил командир экипажа старшего сержанта Поклонского.

Продолжая разведку и фотографирование, летчики ясно различали границы группировок: наши войска, как было условлено, подавали сигналы ракетами.

Успешно выполнив задание, группа Ивана Клинцова возвратилась в Сарваш. Фюзеляжи и плоскости машин были пробиты в нескольких местах, на самолете ведомого пушечным снарядом срезало антенну. Но это не велика беда: техники ввели ИЛы в строй через каких-нибудь два-три часа.

Дней за пять до конца войны заместитель командира эскадрильи гвардии старший лейтенант Клинцов повел звено «крылатых танков» на подавление опорного пункта, расположенного в районе города Брно.

Перед летчиками стояла задача — подавить артиллерию и живую силу врага и обеспечить наземным войскам прорыв одного из последних очагов фашистской обороны.

Первый заход на цель был неожиданным для противника. Штурмовики прицельно сбросили бомбы, подавив при этом артиллерийскую батарею.

— Делаем второй заход! — приказал Клинцов своим ведомым. И летчики начали обстрел автомашин, набитых гитлеровцами.

Выходя из атаки, ведущий заметил четыре «фокке-вульф-190», хищно устремившихся на звено штурмовиков.

— Сомкнуть строй! — подал команду Иван Клинцов. — Воздушным стрелкам открыть огонь по истребителям!

Огненные струи брызнули с бортов наших летающих батарей. Один «фошка», задымив, клюнул носом и пошел вниз. Пламя вгрызлось в него до тех пор, пока он не грохнулся оземь. Остальные, наверно, трусили, отпрянули веером в разные стороны.

— Идем на третий заход!

И штурмовики снова устремились на окраину Брно, выжигая остатки фашистского гнезда.

— Это был мой последний вылет, — заканчивая рассказ, проговорил Иван Васильевич. — На выходе из атаки я услышал голос командира с КП: «Работали отлично. Всем летчикам объявляю благодарность!» Ответив по праву старшего: «Служим Советскому Союзу!», я повел звено на восток. На этом закончилась для меня и моих друзей война. Мне шел тогда двадцать третий год...

Я попросил майора показать его летную книжку, чтобы посмотреть, каков личный боевой счет.

— Пожалуйста, — охотно согласился он, — но я и так помню: больше сотни вылетов на штурмовку и столько же на разведку; сбил шесть самолетов, уничтожил восемнадцать танков, разбомбил три железнодорожных эшелона, четыре склада с боеприпасами, шестнадцать батарей артиллерии разных калибров, без малого полк зениток, разрушил четырнадцать дотов и дзотов, сжег сорок три автома-

шины и восемьдесят три подводы с грузами, отправил на тот свет более батальона гитлеровских солдат и офицеров...

Я невольно перебил его, воскликнув:

— Вот тебе и левофланговый!

Иван Васильевич рассмеялся:

— Да, помню: на параде Победы шел левофланговым.